

УДК 1 (091)

ПЛАТОН И ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*

В. В. Бровкин

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград),
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vbrovkin1980@gmail.com

Аннотация. Установлено, что у Платона просматривается двойственное отношение к традиционным религиозным представлениям. С одной стороны, он выступает с защитой церемониально-обрядовой стороны олимпийской религии и положительных мифов о богах. С другой стороны, Платон выступает с критикой ложных мифов, изображающих порочные деяния богов. Учение Платона о переселении душ также свидетельствует о расхождении с традиционными религиозными представлениями. Во взглядах Платона проявилось стремление к реформированию олимпийской религии с целью ее укрепления. Данное стремление явилось реакцией на ослабление религиозных и моральных норм в греческом обществе в период поздней классики. В то же время представление Платона о том, что боги не являются источником зла для человека, могло сыграть определенную роль в развитии античного атеизма.

Ключевые слова: Платон, олимпийская религия, ложные мифы о богах, переселение душ, ослабление религиозных и моральных норм, античный атеизм.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2024). Платон и традиционные религиозные представления. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 13-27. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.13-27

PLATO AND TRADITIONAL RELIGIOUS BELIEFS*

V. V. Brovkin

Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad),
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vbrovkin1980@gmail.com

Abstract. It is established that Plato has an ambivalent attitude towards traditional religious beliefs. On the one hand, he defends the ceremonial and ritual side of the Olympic religion and the positive myths about the gods. On the other hand, Plato criticizes false myths that depict the vicious deeds of the gods. Plato's teaching on the transmigration of souls also indicates a discrepancy with traditional religious beliefs. Plato's views expressed a desire to reform the Olympic religion in order to strengthen it. This aspiration was a reaction to the weakening of religious and moral norms in Greek society during the late Classical period. At the same time, Plato's idea that the gods are not a source of evil for man could play a role in the development of ancient atheism.

Keywords: Plato, the Olympic religion, false myths about the gods, the transmigration of souls, the weakening of religious and moral norms, ancient atheism.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00025 «Античные мистериальные культы и греческая философия: орфика, пифагореизм, герметика, платонизм».

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of the scientific project No. 22-18-00025 "Ancient Mystery Cults and Greek Philosophy: Orphica, the Pythagoreanism, Hermetica, Platonism".

For citation: Brovkin, V. V. (2024). Plato and Traditional Religious Beliefs. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 13-27. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.13-27

Введение

В данной статье мы рассмотрим вопрос об отношении Платона к традиционным религиозным представлениям. При первом взгляде на данный вопрос может сложиться впечатление некоторой несогласованности во взглядах Платона. В своих диалогах Платон часто касается религиозной тематики, но если в одних его рассуждениях просматривается защита традиционных религиозных представлений, то в других – их явная или косвенная критика. Исследователи уже давно обратили внимание на данную особенность теологии Платона. В. Буркерт полагает, что Платон пытается объединить религию и философию. Платон создает просвещенное благочестие, при котором разум не противостоит божественной сфере, а дополняет ее. Более того, в «Законах» Платона «решительно отрицается невозможность объединить философскую и традиционную религии» [Буркерт, 2004, с. 568]. В позднем творчестве Платона «традиционная полисная религия есть нечто столь же естественное, сколь и живое» [Там же, с. 564]. Согласно Ф. Солмсену, провозгласив существование астральных богов, Платон столкнулся с серьезным вопросом: «Как эти обожествленные небесные тела могли бы взять на себя политическую функцию олимпийских богов, то есть выступать в качестве хранителей закона и морали, санкционировать политические институты и обеспечивать религиозную связь между политическим сообществом» [Solmsen, 1936, p. 218]. По мнению Ф. Солмсена, астральная теология Платона способствовала не возрождению традиционной религии греков, а подготовке почвы «для эллинистической теологии и религиозности» [Ibid.].

Г. В. Риль же полагает, что Платон пытается связать свою теологию и метафизику с традиционными религиозными представлениями. Платон критикует поэтов из-за их рассказов о богах и запрещает поэзию в своем государстве. Но Платон отвергает идею вмешательства государства в религиозные вопросы. Религиозные представления опираются на традиции предков, и никто не имеет права их изменять [Riel, 2013, pp. 6-11]. Подчеркивание Платоном моральной чистоты богов также является не столько критикой антропоморфизма, сколько реакцией на неблагородное изображение богов поэтами [Ibid., p. 27]. Согласно Г. В. Риллю, было бы упрощением полагать, что «Платон заменяет традиционных богов небесными или что его теология основана на астральной религии» [Ibid., p. 59]. Платон не заменяет традиционных богов астральными. Важное значение традиционных богов у Платона сохраняется. По мнению Платона «боги имеют разную внешность, что может связывать их не только с планетами, но и с антропоморфными описаниями» [Ibid., p. 59].

Как отмечает Р. В. Светлов, Платон оказался перед непростой задачей. С одной стороны, он стремился к укреплению религии в целях воспитания законопослушных граждан и охранения ее от разрушительных последствий афинского «вольнодумства» [Светлов, 2016, с. 213]. С другой стороны, Платон «пытался создать некоторую нормативную и максимально рационализированную теологию», которая бы соотносилась с его философией [Там же, с. 213]. Согласно Р. В. Светлову, решение этой задачи привело Платона к созданию той рациональной теологии, которая была основана на доказательстве божественной сферы

и вместе с тем очищении от всех «противоречий и глупостей народной религии» [Светлов, 2019, с. 14]. Р. В. Светлов заключает, что, по мнению Платона, приобщение к религиозной сфере «требует от нас как умного делания (то есть занятий философией), так и соблюдения неких обрядов, которые, как минимум, подчеркивают нашу социальную ответственность (“Законы”» [Там же, с. 14]. И. Деретич обращает внимание на то, что платоновская критика религии была связана с его представлением о мифах. Платон критикует традиционные мифы о богах, в которых последние изображаются порочными антропоморфными существами. Поскольку, как полагает Платон, данное изображение не соответствует подлинной природе богов, то такие мифы признаются ложными и опасными. Как отмечает И. Деретич, традиционным мифам о богах Платон пытается противопоставить свой проект новой «философской мифологии» [Deretic, 2020, с. 442].

Защита Платоном традиционных религиозных представлений

В наиболее явном виде защита Платоном олимпийской религии представлена в «Законах». Как известно, в этом диалоге Платон высказывает не такие радикальные идеи как в «Государстве». Взгляды Платона об обществе, политике, морали, религии в «Законах» отличаются консерватизмом и традиционализмом. В этом диалоге неоднократно звучат слова о том, что «бог управляет всем (ὡς θεὸς μὲν πάντα)», «бог – истинный владыка разумных людей» и «боги заслуживают наибольшего почета (τιμᾶω)» [Платон, 2007б, с. 195, 200, 215]. Главный персонаж этого диалога афинянин выступает с критикой религиозного релятивизма софистов: «Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог (θεός), гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению некоторых» [Там же, с. 205]. Афинянин призывает искать расположения богов. С этой целью человек «непременно должен насколько возможно» уподобиться богу [Там же, с. 205]. Представления Платона о религии неразрывно связаны с моралью. Нет ничего удивительного в том, что на отношения человека с богами Платон смотрит через призму нравственности. Целью поклонения олимпийским богам для Платона является нравственное совершенствование человека. Афинянин подчеркивает, что «кто из нас рассудителен (σώφρων), тот и любезен богу (θεῷ φίλος), ибо подобен ему; а кто не рассудителен, тот ему не подобен и, наоборот, отличен от него и несправедлив (ἄδικος)» [Там же, с. 205].

Платон одобряет участие граждан в религиозных действиях и церемониях. Большое значение в идеальном государстве Платон придает благочестию (εὐσεβεία). Поклонение богам призвано поддерживать в обществе высокие моральные нормы. Платон полагает, что хорошие люди имеют полное право обращаться к богам за помощью. Добродетельные люди не должны терять надежду на то, что «бог уменьшит трудности, выпадающие на долю каждого, изменит к лучшему теперешнее положение и дарует им на доброе счастье всевозможные блага, противоположные прежним бедам» [Там же, с. 222]. Та поддержка, которую Платон выражает религиозному культу, связана с его стремлением к укреплению нравственности среди граждан. «Прекраснейшим» (καλός) и «вернейшим» (ἀληθής) из всех афинянин называет следующее правило (λόγος): «Для хорошего человека в высшей степени прекрасно, хорошо и полезно во имя счастливой жизни (εὐδαίμονα) совершать жертвоприношения (θύειν) богам, общаться с ними путем молитв, приношений и всякого иного служения (προσομιλεῖν ἀεὶ τοῖς θεοῖς εὐχαῖς καὶ ἀναθήμασι): ему это особенно подобает»

[Там же, с. 205]. Тесная связь между религией и моралью хорошо видна в рассуждении афинянина о том, что душа дурного человека нечиста и, следовательно, принимать дары от него не следует ни доброму человеку, ни богу. Как говорит афинянин, «поэтому служение богам со стороны людей нечестивых тщетно, со стороны же благочестивых – очень уместно» [Там же, с. 205]. Приверженность Платона религиозным традициям древних греков можно обнаружить в словах афинянина о том, кому и в какой степени следует оказывать священные почести. «Благочестивой цели», как говорит афинянин, «вернее достигнет тот», кто высшие почести будет оказывать Олимпийским богам (Ὀλυμπίους) и богам – охранителям государства (πόλις ἔχοντας θεούς), далее будет почитать подземных богов, после них – гениев, героев, родовых богов, родителей и предков [Там же, с. 205-206]. Также показательным является рассуждение афинянина о похоронах родителей, которые лучше всего проводить в соответствии с принятыми обычаями, не отклоняясь от того, «что было установлено в отношении своих родителей нашими предками» [Там же, с. 206].

Поддержка Платоном традиционных религиозных представлений выражается в его рассуждениях о тех традициях, которые следует соблюдать при основании нового государства. В данном вопросе Платон настаивает на полном соблюдении тех правил, которые установились у греков с древних времен. Как говорит афинянин, при основании нового государства не следует нарушать ничего, что касается богов и святынь: «Какие именно, каким богам должны быть воздвигнуты святилища в государстве и именем каких богов или демонов будут они называться, во всем этом надо следовать Дельфам, Додоне, Аммону или же убедительным древним сказаниям о бывших знамениях и божественных наитиях» [Там же, с. 229]. Афинянин ссылается на силу традиций, говоря о том, что люди, «веря в это, устанавливали жертвоприношения (θυσίας), сопряженные с таинствами (τέλεταις), либо местные, либо Тирренские или Кипрские, наконец, заимствованные еще откуда-нибудь» [Там же, с. 229]. Люди освящали божественные речения, статуи, алтари, храмы и отводили каждому из богов священные участки. Платон полагает, что при основании идеального государства следует строго придерживаться древних традиций. В частности, «прежде всего надо установить святилище Гестии, Зевса и Афины» [Там же, с. 237]. Также необходимо «каждой части граждан дать особого бога, демона или героя» [Там же, с. 229].

Особое рвение в защите традиционных религиозных представлений у Платона проявляется при рассуждении о месте религии в идеальном государстве. Согласно Платону, государство должно быть разделено на двенадцать частей (филы), каждая из которых должна быть посвящена одному из главных богов. После этого должны быть воздвигнуты алтари богам и учреждены жертвенные собрания. При этом «эти собрания должны совершаться, во-первых, во имя милости богов и всего божественного», и уже во вторую очередь ради дружеского общения [Там же, с. 266-267]. Должен быть установлен строгий порядок в священнодействиях, будь то жертвоприношения, прорицания, хороводы, песнопения. Все празднества, мусические и гимнастические состязания должны быть посвящены богам. Граждане, в соответствии с установленными законами, должны «воспевать гимны богам и хвалебные песни вместе с молитвами (ῥυμοὶ θεῶν καὶ ἐγκώμια κεκοινωνημένα εὐχαΐς)» [Там же, с. 302]. Гражданам разрешается просить богов о милости. Храмы должны быть возведены вокруг торговой площади, а рядом с ними должны быть расположены помещения для правителей и суда: «Там-то как в самых священных местах и будет вершиться правосудие частью постольку, поскольку жалобы касаются благочестия, частью же потому, что рядом

находятся храмы соответствующих богов» [Там же, с. 275]. Весьма показательным является закон о посещении гражданами идеального государства других стран. Платон выступает за государство изоляционистского типа. По его мнению, для сохранения законов в государстве посещение его гражданами других стран представляет большую опасность. Единственное исключение – это посещение общегреческих священных мест и участие в состязаниях: «В Пифийский храм Аполлона, в Олимпию к Зевсу, в Немею и на Истм надо для участия в жертвоприношениях (θυσίῳν) и состязаниях в честь этих богов посылать людей по мере сил в самом большом количестве» [Там же, с. 488].

Отдельного упоминания заслуживает мнение Платона о преступлениях против богов. Говоря о преступлениях, Платон отмечает, что самый тяжелый их вид – это святотатство (ἱεροσυλία). Наказанием за похищение священных предметов для граждан должна быть смерть, для неграждан – телесное наказание и изгнание. Но на этом Платон не останавливается и подробно рассматривает другие виды преступлений против богов. Афинянин говорит, что существует три вида оскорбления богов (θεοῦς ὕβρις): отрицание существования богов; признание богов, но отрицание их вмешательства в человеческие дела; мнение о том, что богов можно склонить в свою пользу и умиловить жертвами и молитвами. Как говорит афинянин, тех, кто высказывает подобные взгляды, необходимо переубедить. Участники диалога прикладывают немалые усилия, доказывая бытие богов, их благотворное влияние на жизнь людей и невозможность их подкупить. Однако, если сторонника подобных взглядов не удастся увещать и переубедить, то его следует судить и подвергнуть наказанию. В зависимости от степени вины, нечестивца могут приговорить к смертной казни или тюремному заключению. Суровость наказаний за религиозное инакомыслие свидетельствует о непреклонности Платона в деле защиты религии.

Положительное отношение к традиционным религиозным представлениям, которое Платон демонстрирует в «Законах», на наш взгляд, тесно связано с его мнением о том, что он называет стародавними законами (πατρίους νόμους). Согласно Платону, это древние обычаи, которые связывают любой государственный строй. Эти «чрезвычайно древние узаконения (πάτρια καὶ παυτάλασιν ἀρχαῖα νόμια)» при правильном их установлении могут быть «в высшей степени спасительным (σωτηρία) покровом для современных им писаных законов» [Там же, с. 291]. Если, как полагает Платон, отменить эти древние установления, то и все последующие законы обрушатся. Данная мысль объясняет приверженность Платона многочисленным древним законам и обычаям. Без их сохранения государство не сможет быть прочным и устойчивым. Таким образом, в «Законах» Платон выступает в роли убежденного защитника традиционных религиозных представлений. Складывается впечатление, что философ однозначно выступает за сохранение и укрепление культа олимпийских богов. Однако, как мы покажем далее, во взглядах Платона можно обнаружить и критическое отношение к традиционным религиозным представлениям. С этой целью обратимся к другому диалогу Платона – «Государству».

Критика Платоном традиционных религиозных представлений

В «Государстве» Сократ поднимает вопрос о воспитании стражей. Данный вопрос, согласно Сократу, является исключительно важным, поскольку от того, как будут воспитаны стражи, зависит устойчивость государства и сохранение законности. Воспитание должно

быть двойным – гимнастическим (γυμναστικός) и мусическим (μουσική). Особое внимание Сократ уделяет рассмотрению той части мусического искусства, которое связано со словесностью (λόγος). В последней Сократ выделяет два вида – истинный (ἀληθής) и ложный (ψεύδος). С раннего детства, как говорит Сократ, детям рассказывают мифы (μῦθος), но «это, вообще говоря, ложь (ψεύδος)» [Платон, 2007а, с. 168]. О каких мифах идет речь? Сократ прямо говорит, что это те мифы, «которые рассказывали Гесиод, Гомер и остальные поэты»: «Составив для людей лживые сказания, они стали им их рассказывать, да и до сих пор рассказывают» [Там же, с. 169]. В первую очередь Платон обвиняет создателей мифов не в том, что их мифы являются вымыслом, а в том, что они являются вредным вымыслом. Гесиод, Гомер и другие поэты, как говорит Сократ, заслуживают упрека в том, что их «вымысел неудачен» [Там же, с. 169]. Поэты изображают богов в дурном свете, наделяя их отрицательными качествами. Рассказы о порочных деяниях богов, по мнению Сократа, способны оказать крайне негативное влияние на души молодых людей. Опасность заключается в том, что рассказы о многочисленных раздорах между богами и героями могут внушить недоверие у стражей к согражданам. На таких мифах невозможно вырастить и подготовить стражей, питающих дружелюбие к согражданам. По мнению Сократа, «ребенок не в состоянии судить, где содержится иносказание, а где нет, и мнения, воспринятые им в таком раннем возрасте, обычно становятся неизгладимыми и неизменными» [Там же, с. 171]. Мифы должны направлять детей к добродетели (ἀρετή). Важно подчеркнуть, что Платон открыто называет вредным вымыслом мифы, являющиеся неотъемлемой частью традиционных религиозных представлений древних греков.

Далее Сократ заявляет о том, что в действительности боги не такие, какими их представляет большинство. Бог, согласно Сократу, «благ по существу» и поэтому не может творить зло и причинять вред [Там же, с. 171]. Бог является причиной только блага (ἀγαθόν), к злу он не имеет никакого отношения. Как утверждает Сократ, «бог, раз он благ, не может быть причиной всего вопреки утверждению большинства» [Там же, с. 172]. Сократ настаивает на том, что истории о богах, враждующих друг с другом и насылающих бедствия на людей, являются заблуждениями поэтов. Ничего кроме осуждения и запрета творчество Гомера, Гесиода, Эхила и других поэтов не заслуживает. Еще одним объектом критики Платона выступает представление об изменении богами своей формы и облика. Как говорит Сократ, бог может изменяться либо в силу внешних обстоятельств, либо по своему желанию. Но то, что находится в наилучшем состоянии, всего менее изменяется под воздействием внешних обстоятельств: «Все, что хорошо от природы или благодаря искусству, а также благодаря тому и другому, меньше всего подвержено изменению под воздействием иного» [Там же, с. 174]. Что касается изменения по собственной воле, то, согласно Сократу, бог как существо прекрасное и совершенное может измениться только в худшую сторону. Но бог не может добровольно принять более худшую форму, следовательно, он не может стремиться к изменению самого себя: «Очевидно, каждый из богов, будучи в высшей степени прекрасным и превосходным (κάλλιστος καὶ ἄριστος) – насколько лишь это возможно, – пребывает попросту всегда в своей собственной форме» [Там же, с. 175]. Особое возмущение у Сократа вызывает приписывание богам стремление лгать и вводить людей в заблуждение. Сократ старается доказать, что бог никого не желает обманывать. Бог не может быть неразумным или испытывать страх, поэтому у него нет никаких оснований для лжи

и обмана: «Значит, бог – это, конечно, нечто простое и правдивое (ἀπλοῦν καὶ ἀληθές) и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения – ни наяву, ни во сне» [Там же, с. 177].

Продолжая рассуждать о роли мифов в идеальном государстве, Платон высказывает еще более критические соображения по отношению к традиционным религиозным представлениям. Так, согласно Сократу, «кто считает Аид существующим, и притом ужасным», тот не будет чужд страха смерти и предпочтет рабство и поражение смерти в бою [Там же, с. 179]. Традиционные представления об Аиде, как говорит Сократ, пробуждают зловещие и утрашающие мысли, которые наполняют душу страхом смерти. Воспитанные на подобных представлениях стражи будут чересчур возбудимыми, чувствительными и трусливыми. Как полагает Сократ, опасность для государства представляют не только представления об Аиде, но даже отдельные слова, связанные с загробным миром. Такие слова как «Кокит», «Стикс», «покойники», «усопшие» способны вызвать страх, поэтому следует полностью отказаться и от их использования. Критика Платона касается также изображения скорбящих и причитающих богов. Особенно достается Гомеру, в произведениях которого боги и герои часто выражают скорбь, жалость и горе. Сократ прямо называет подобные рассказы дерзкими измышлениями, заслуживающими осмеяния. Если, как полагает Сократ, юноши «всерьез примут такие рассказы и не осмеют их как нечто недостойное», то они без всякого стыда и по малейшему поводу станут причитать и сокрушаться [Там же, с. 182].

Можно заметить, что Платон осуждает любое изображение слабости и порочности богов. Это может быть сильный смех, любовная страсть, корыстолюбие. Стражи должны равняться на богов, они должны брать с них пример. Поэтому неверно и нечестиво приписывать богам зло и страсти. Сократ повторяет, «что боги не могут породить зло (какὰ)» [Там же, с. 187]. Изображение богов в мифах должно преследовать единственную цель – воспитание добродетели. Платон выступает за самое решительное очищение религиозно-мифологических представлений от той их части, в которой боги наделяются человеческим страстями. Тем самым Платон ставит себя в оппозицию к традиционным религиозным представлениям, поскольку антропоморфизм богов является их неотъемлемой частью. Называя ложью значительную часть мифов, отсекая от них все рассказы, порочащие богов, Платон стремится к обновлению и укреплению религии. Но, на наш взгляд, Платон достигает скорее обратного эффекта. Резкая критика Платоном многочисленных мифов могла лишь способствовать ослаблению религиозного сознания.

Говоря о платоновской критике древнегреческой мифологии, нельзя не отметить, что она была направлена в основном на те представления, которые, по мнению философа, бросали тень на светлый образ богов. В рассуждениях Сократа проскальзывает мысль о том, что не все мифы вредны и не всегда поэты искажают образ богов. Сократ говорит об одобрении тех мифов, в которых боги предстают в качестве исключительно добродетельных и благородных существ. Только на таких мифах могут вырасти благочестивые и добродетельные стражи. Тем не менее, нельзя не признать, что взгляды Платона о религии довольно существенно расходились с теми представлениями, которые были распространены в древнегреческом обществе. Хорошо видно, что Платона не устраивает та часть мифологии, которая касается неблагоприятных деяний богов. В стремлении Платона к очищению мифологии от подобных представлений, на наш взгляд,

просматривается явное недовольство положением дел в религиозной сфере. Очевидно, что в системе общественно-политических взглядов Платона мысль о религиозной реформе занимала не последнее место.

В качестве теоретического основания критического отношения к мифам о богах у Платона выступает представление о подражательной природе искусства. Сократ говорит о том, что все вещи бывают тройкими. Одни существуют в самой природе, другие являются произведениями мастеров, третьи – произведениями живописцев и поэтов. Последние, по мнению Сократа, подражают творениям мастеров. Искусство отражает не подлинное бытие, а лишь его подражание. Деятели искусства стремятся воспроизвести не действительное бытие, а только кажимость, «иначе говоря, живопись – это воспроизведение призраков (φαντάσματος)» [Там же, с. 462]. Сократ упрекает подражательное искусство (μιμητική) в том, что оно далеко от действительности и, следовательно, способно ввести людей в заблуждение. Сократ предлагает внимательно рассмотреть творчество Гомера, поскольку он считается большим знатоком человеческих и божественных дел. Сократ старается показать, что творения Гомера «второе отстоят от подлинного бытия (ἄνθος)» [Там же, с. 462]. Гомер и другие поэты не знают истины и творят призраки. Как отмечает Сократ, отсутствие учеников у Гомера, Гесиода и других поэтов говорит о том, что они не обладали знаниями. Они были несведущи в вопросах воспитания, в законодательстве и государственных делах, в добродетели, в ремеслах и изобретениях: «Все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели (εἰδώλων ἀρετῆς) и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются» [Там же, с. 465].

Большим недостатком поэзии, как и любого другого вида искусства, является ее связь с неразумной частью души. Измерение, счет и взвешивание связаны с разумным началом души. Но искусство не доверяет измерению и рассуждению. Искусство имеет дело со словами, красками, оттенками и очертаниями. Сократ делает хлесткое заявление: «Стало быть, подражательное искусство, будучи и само по себе низменным, от совокупления с низменным и порождает низменное (φαύλη ἄρα φαύλω συγγιγνομένη φαῦλα γεννᾷ ἢ μιμητική)» [Там же, с. 469]. Поэты стремятся достичь успеха у толпы. С этой целью они обращаются не к разумному началу души, а к ее низменной части, играя на страстях и эмоциях. Поэзия наполняет душу переменчивыми образами. Но главное обвинение, которое Сократ предъявляет поэзии, заключается в том, что «она обладает способностью портить даже настоящих людей, <...>; вот в чем весь ужас» [Там же, с. 473]. Поэзия, воспевая страсти и слабости, развращает и ослабляет душу. Поэтическое подражание питает печаль, наслаждение, гнев, скорбь, веселье. Страсти устанавливают свою власть и люди становятся хуже и несчастнее. Мусическое искусство, которое воспекает страсти, заслуживает полного изгнания из государства. Сократ одобряет только такую поэзию, которая является гимнами богам и хвалой добродетельным людям.

Стоит отметить, что Платон не только в «Государстве» критикует поэтов и многочисленные мифы о богах. В «Законах» также можно обнаружить подобные рассуждения. Согласно Платону, мифология и религия должны служить на благо государства. Последнее заключается в поддержании законности, основанной на добродетели граждан. Следовательно, по мнению Платона, мифология и религия должны содействовать воспитанию и поддержанию высоких моральных качеств у граждан. Таким образом, наиболее ценными функциями религии Платон считает воспитательную и нравственную.

Поэтическое искусство же представляет большую опасность, поскольку является подражанием и склонно к искажению истины. Как говорит афинянин, поэт, «когда садится на треножник Музы, уже не находится в здравом рассудке, но дает изливаться своему наитию, словно источнику», в результате чего «он принужден изображать людей, противоположно настроенных, и в силу этого вынужден нередко противоречить самому себе, не ведая, что из сказанного истинно, а что нет» [Платон, 2007б, с. 208]. В данном фрагменте речь идет об искаженном изображении людей, но и в изображении богов поэты часто грешат. В частности, афинянин осуждает поэтов за то, что те приписывают богам совершение краж и грабежей. Как говорит афинянин, «никто не должен дать себя убедить и обмануть ни поэтам, ни другим сочинителям басен, утверждающим, что боги совершают беззаконие» [Там же, с. 475]. По мнению Платона, даже всем поэтам, вместе взятым, нельзя доверять, когда дело доходит до изображения богов. Проблема заключается в том, что поэты приписывают богам человеческие слабости, но, как говорится в «Законах», «преимущественно человеческими по природе являются удовольствия, страдания, страсти (ἔστιν δὴ φύσει ἀνθρώπειον μάλιστα ἡδοναὶ καὶ λύπαι καὶ ἐπιθυμίαι)» [Там же, с. 222].

В «Законах» Платон не так сильно акцентирует внимание на критике поэзии и мифов о богах. Более того, в «Законах» чаще, чем в «Государстве», говорится о правильных и полезных мифах о богах. Афинянин при рассказе о происхождении государств нередко ссылается на известные мифы, отмечая, что в них есть, как минимум, доля правды. В отличие от критики гомеровской поэзии в «Государстве», в «Законах» Гомер зачастую удостоивается положительной оценки. Те мифы, в которых поэты изображают богов в положительном свете, Платон считает хорошими. Как говорит афинянин, «поэты – это божественное и вдохновенно поющее племя; нередко, под воздействием Харит и Муз, они касаются и истинных происшествий (ἀλήθειαν γιγνομένων)» [Там же, с. 162]. В отношении к мифам о богах у Платона просматривается достаточно четкая позиция. Все мифы о неблагоприятных деяниях богов Платон называет ложными и вредными. Эти мифы мало того, что являются вымыслом, так еще представляют опасность для государства, поскольку способны подтолкнуть граждан к неподобающему поведению и совершению беззаконий. В то же время, мифы, воспевающие добродетель богов, признаются Платоном истинными и очень полезными. В таких мифах, согласно Платону, боги предстают в подлинном свете. Только на правильных мифах о богах можно воспитать добродетельных граждан.

Мы полагаем, что платоновская критика древнегреческой мифологии имела далеко идущие последствия. Невольно Платон мог сыграть важную роль в становлении античного атеизма. Как мы показали выше, Платон решительно отвергает представление о том, что боги посылают людям зло. Согласно Платону, боги – это существа совершенные и благие. Людям они посылают лишь дары и блага. К человеческим бедам и злу боги не причастны. Однако в этом представлении, как мы полагаем, и скрывается важный шаг на пути к древнему атеизму. Рассмотрим в тезисном виде развитие античного атеизма. В рамках поэзии Гомера, Гесиода и в целом олимпийской религии утверждалось, что боги существуют, и что они посылают людям зло и добро. Платон заявил, что боги существуют и согласился с тем, что они являются источником блага для людей. Но он отверг представление о причастности богов к человеческим несчастьям. Прошло несколько десятилетий и уже Эпикур заявил, что боги существуют, но они не причастны не только к человеческим бедам, но и не являются источником блага для людей. Очевидно, что после этого, для полного атеизма оставалось сделать всего лишь один шаг. Необходимо было заявить, что никаких богов не существует.

Был ли сделан данный шаг – вопрос открытый. Те мыслители античного мира, которые прослыли безбожниками, – Протагор, Продик, Диагор, Феодор, Бион Борисфенский, Эвгемер, – в действительности, возможно, не являлись таковыми. Не исключено, что они не столько отрицали существование богов, сколько критиковали распространенные представления о них. Составители «списков безбожников» вполне могли не различать атеизм, религиозный скептицизм и религиозный агностицизм. Но, как бы то ни было, нельзя не признать, что для полноценного атеизма, т.е. отрицания существования богов, все необходимые шаги на теоретическом уровне были сделаны. В научной литературе традиционно принято отмечать ту роль, которую в формировании античного атеизма сыграл Эпикур. Но мы полагаем, что роль Платона могла быть также достаточно весомой. Платон обладал огромным влиянием в греческой философии. Если бы он не подверг критике мифологические представления, неизвестно, сделал бы следующий шаг Эпикур и каким образом развивалась бы критика религии в дальнейшем. Таким образом, Платона вполне можно рассматривать в качестве одного из тех философов, которые внесли определенный вклад в ослабление традиционных религиозных представлений.

Рассматривая вопрос об отношении Платона к традиционным религиозным представлениям, нельзя обойти стороной диалог «Тимей». С одной стороны, главный участник этого диалога Тимей встраивает олимпийскую мифологию в свое учение о происхождении и устройстве Вселенной. Тимей говорит о существовании двух видов богов – тех, «чье движение совершается на наших глазах», и тех, «что являются нам, лишь когда сами того пожелают» [Платон, 2007в, с. 522–523]. К числу первых Тимей относит Землю и небесные тела, к числу вторых – олимпийских богов. О последних Тимей рассуждать не берется, говоря о том, что «здесь остается только довериться тем, кто говорил об этом прежде нас; раз говорившие сами были, по их словам, потомками богов, они должны были отлично знать своих прародителей» [Там же, с. 522]. Как говорит Тимей, в этих рассказах о богах нет убедительных доказательств, но им приходится доверять, «чтобы не ослушаться закона» [Там же, с. 522]. Тимей принимает мифы о происхождении олимпийских богов: «От Геи и Урана родились Океан и Тетия, от этих двух – Форкий, Кронос с Реей и все их поколение, от Кроноса и Реи – Зевс с Герой и все те, кого мы знаем как их братьев и сестер, а уже от них – новое потомство» [Там же, с. 522].

С другой стороны, в «Тимее» активно отстаивается теория о переселении душ, которая, как известно, была не характерна для традиционных религиозных представлений древних греков. Тимей излагает теорию, согласно которой женщины и животные появились в результате духовного разложения мужчин. Так, первые женщины появились в результате перерождения трусливых и несправедливых мужчин. Незлобивые, но легкомысленные и обращенные к ощущениям мужи дали начало племени птиц. От наиболее чуждых философии и приземленных людей произошли сухопутные животные. Еще менее разумные стали пресмыкающимися. Души самых невежественных людей дали начало различным существам, живущим в воде. Согласно Тимею, «сообразно этому все живые существа и поныне перерождаются (μεταβαλλόμενα) друг в друга, меняя облик по мере убывания или возрастания своего ума или глупости» [Там же, с. 587]. Следует добавить, что тема метемпсихоза рассматривается не только в «Тимее», но и в других важнейших диалогах Платона. В «Государстве» Сократ рассказывает миф об Эре. Со слов Сократа, оказавшись в загробном мире, Эр наблюдал за тем, как души умерших людей выбирали себе новую жизнь. Сообщается, что как души людей переходили в новые тела людей и зверей,

так и «души разных зверей <...> переходили (μεταβάλλοντα) в людей и друг в друга, несправедливые – в диких, а справедливые – в кротких; словом, происходили всевозможные смешения» [Платон, 2007а, с. 492].

В «Федоне» Сократ доказывает, что душа бессмертна и неуничтожима. Одной из важнейших тем, которую обсуждают Сократ и его собеседники, является переселение душ. Сократ постоянно возвращается к мысли о том, что человеческая душа после смерти тела и пребывания в Аиде переселяется в новое тело: «Раз наша душа существовала ранее, то, вступая в жизнь и рождаясь, она возникает неизбежно и только из смерти, из мертвого состояния. Но в таком случае она непременно должна существовать и после смерти: ведь ей предстоит родиться снова» [Платон, 2007г, с. 42]. Также Сократ высказывает уже известное мнение о том, как на жизнь человека влияет прошлое его души. Предававшиеся чревоугодию и пьянству в новой жизни будут ослами. Те, кто в прошлой жизни вел несправедливую, властолюбивую и хищническую жизнь, переродятся в волков, ястребов или коршунов. Те, кто преуспели в гражданской жизни, в новой жизни окажутся пчелами, муравьями, а возможно вернуться к человеческому роду. Те же, кто посвятил свою жизнь философии и преуспел в духовном очищении, могут оказаться среди богов [Там же, с. 48-49].

То, что Платон в своих ключевых работах отстаивает учение о переселении душ, может свидетельствовать о его неудовлетворенности традиционным представлением о посмертном существовании. Во взглядах Платона хорошо просматривается стремление к укреплению нравственного состояния граждан. Платон хочет, чтобы граждане больше заботились о добродетели. При этом Платон имеет в виду прежде всего гражданскую добродетель, направленную на благо всего общества. Страх переродиться в следующей жизни в животное, по мысли Платона, должен сильнее подталкивать людей к добродетельной жизни и соблюдению законов, чем представление о вечном пребывании души в Аиде. Таким образом, во взглядах Платона о ложных мифах о богах и переселении душ можно увидеть серьезное недовольство тем положением дел, которое сложилось в сфере религиозно-нравственных отношений Древней Греции в период поздней классики. В заключительной части исследования мы постараемся привести убедительные примеры из истории, которые подтверждают ослабление моральных и религиозных устоев в греческом обществе в конце V–IV вв. до н. э.

Моральные и религиозные нормы в греческом обществе в поздний классический период

Одним из наиболее ярких примеров упадка моральных норм и ожесточения нравов в данный период может служить «Тирания тридцати». После поражения в Пелопоннесской войне в Афинах установилось новое правительство, которое получило название «Тридцати тиранов» (404–403 гг. до н. э.). Его возглавили такие известные сторонники олигархии как Критий и Ферамен. Все античные авторы отмечают, что это правительство печально прославилось политикой страшного террора в отношении собственных граждан. Ксенофонт пишет, что изначально тридцать правителей были избраны для составления новых законов. Первым делом тридцать тиранов арестовали и казнили ненавистных гражданам сикофантов. Затем они узурпировали власть в Афинах и в целях усиления своей власти способствовали расположению лакедемонского гарнизона в городе. После этого тридцать тиранов «стали арестовывать кого угодно: не только дурных и безнравственных людей, но вообще тех,

про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев» [Ксенофонт, 2011, с. 284].

Сообщается, что тираны казнили и изгнали из Афин многих граждан, а их имущество конфисковали и поделили между собой [Корнелий Непот, 1992б, с. 37; Ксенофонт, 2011, с. 285]. В городе установилось полное беззаконие и произвол властей. Дошло до того, что «после того как было казнено много людей, часто совершенно невинных, и повсюду можно было заметить, как сходятся граждане и с ужасом спрашивают друг у друга, какие новые порядки их ожидают» [Ксенофонт, 2011, с. 285]. Против этого террора выступил Ферамен, но Критию удалось обвинить его в государственной измене и казнить. Примечательно, что во время расправы над Фераменом сторонники Крития проявили явное непочтение к религиозным традициям. Пытаясь оспорить незаконное решение своих противников, Ферамен вскочил на алтарь Гестии и обратился к гражданам за помощью: «Я прекрасно знаю, клянусь богами, что и этот священный алтарь мне не принесет никакого спасения: я припал к нему только для того, чтобы показать, что наши правители не только бессовестнейшие нарушители человеческих установлений, но и величайшие безбожники (περὶ θεοῦς ἀσεβέστατοι)» [Там же, с. 293]. Стоит заметить, что молодой Платон вполне мог быть очевидцем всех этих событий.

Об ослаблении моральных норм в греческом обществе в период поздней классики свидетельствуют участвовавшие случаи нечестия. Один из таких случаев был связан с близким другом Платона Дионом. Античные авторы сообщают, что после того, как Дион сверг тиранию Дионисия Младшего в Сиракузах и встал во главе города, против него созрел заговор. Убить Диона задумал его близкий соратник Каллипп. Узнав о готовящемся заговоре, сестра и жена Диона потребовали у Каллиппа, чтобы он принес священную клятву перед богинями в отсутствии у него злых намерений. Плутарх пишет: «Каллипп исполнил весь обряд от начала до конца и поклялся, как надлежало, чтобы позже кощунственно насмеяться над богинями. В самом деле, он дождался праздника Коры, которою клялся, и как раз тогда совершил убийство, презрев высокое достоинство ее дня» [Плутарх, 1964б, с. 311]. Плутарх называет нарушение священной клятвы Каллиппом «чудовищным нечестием (ἀσεβοῦμένης πάντως)» [Там же, с. 311]. Ожесточенная война за гегемонию в Греции, которая не утихла с начала Пелопоннесской войны, не могла не способствовать ослаблению моральных и религиозных ценностей. Согласно Корнелию Непоту, современник Платона, известный лакедемонский царь и полководец Агесилай всегда уважал святость храмов и даже щадил кумиры и алтари варваров. В частности, с этим был связан его отказ трогать укрывшихся в храме врагов, которые потерпели поражение в битве. Но подобное отношение к культовым сооружениям, судя по всему, уже не являлось незыблемой нормой для греков в это время. Именно поэтому Агесилай удивлялся, «почему не считаются святотатцами люди, которые обижают прибегающих к защите богов, и отчего осквернители благочестия не подвергаются тяжкой каре наподобие храмовых воров» [Корнелий Непот, 1992а, с. 70].

Одним из событий, которое потрясло всю Грецию и о котором не мог не знать Платон, стало заключение Анталкидова мира в 387 г. до н. э. К этому времени Греция погрязла в междоусобных войнах. Ведущие греческие полисы и коалиции воевали друг с другом за сферы влияния. Коалиции во главе со Спартой противостояла коалиция во главе с Афинами, Фивами и Коринфом. Важная роль в этой борьбе принадлежала Персии, которая

умело играла на противоречиях между враждующими сторонами. При этом все греческие коалиции постоянно заявляли о своей приверженности борьбе за освобождение малоазийских греков от персидского господства. Однако по итогам Царского мира, названного по имени лакедемонского политика и дипломата Анталкида, подписавшие его стороны предали своих малоазийских соотечественников. Одним из главных пунктов этого «позорного мира» стало возвращение греков Малой Азии и Кипра под власть Персии. В угоду сиюминутным интересам политиков была принесена в жертву вековая борьба греков за освобождение своих соплеменников в Азии от персидского ига. Как пишет Плутарх, «греки заключили между собою мир – если только можно называть миром измену Элладе и ее бесчестие (Ελλάδος ὕβριν καὶ προδοσίαν), ибо ни одна война не принесла столько позора побежденным, сколько этот мир его участникам» [Плутарх, 1964а, с. 362].

Заключение

Подведем итоги. Как мы установили, защита Платоном традиционных религиозных представлений выразилась в первую очередь в его приверженности церемониально-обрядовой стороне олимпийской религии. Кроме этого, Платон выступил в поддержку тех мифов о богах, в которых их изображение носит исключительно положительный характер. Тем самым Платон выступает в защиту тех аспектов традиционной религии, которые направлены на воспитание благочестия и высоких моральных норм у граждан. Платоновская критика традиционных религиозных представлений проявилась в резком неприятии так называемых ложных мифов о богах. Платон выступает против изображения порочных деяний богов. В учении Платона о переселении душ также просматривается критика традиционных представлений о посмертном существовании. Во взглядах Платона хорошо видно стремление к реформированию олимпийской религии путем очищения ее от представлений об аморальных поступках богов. Данное стремление, как мы показали, было обусловлено социально-историческим развитием Греции в поздний классический период. Это время характеризовалось обострением военно-политической борьбы между полисами и различными группировками, которое способствовало ослаблению моральных и религиозных норм. Однако в своем стремлении к укреплению религии Платон, вероятно, добился противоположных результатов. Активно отстаиваемое им положение о том, что боги не являются источником зла для человека, могло сыграть определенную роль в развитии античного атеизма.

Список литературы / References

Буркерт, В. (2004). *Греческая религия: Архаика и классика*. Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.

Burkert, V. (2004). *Greek Religion: Archaic and Classical*. Vitkovskaya, M., Vitkovsky, V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Корнелий Непот. (1992а). Агесилай. Пер. Н. Н. Трухиной. *Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках*. М. С. 68-73.

Cornelius Nepos. (1992a). Agesilaus. Truchina, N. N. (transl.). In *Cornelius Nepos. Lives of the Eminent Commanders*. Moscow. Pp. 68-73. (In Russ.)

Корнелий Непот. (1992б). Фрасибул. Пер. Н. Н. Трухиной. *Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках*. М. С. 37-39.

Cornelius Nepos. (1992b). Thrasybulus. Truchina, N. N. (transl.). In *Cornelius Nepos. Lives of the Eminent Commanders*. Moscow. Pp. 37-39. (In Russ.)

Ксенофонт. (2011). Греческая история. Пер. С. Я. Лурье. *Ксенофонт. Анабасис. Греческая история*. М. С. 245-487.

Xenophon. (2011). Hellenica. Lur'e, S. Ya (transl.). In *Xenophon. Anabasis. Hellenica*. Moscow. Pp. 245-487. (In Russ.)

Платон. (2007а). Государство. Пер. А. Н. Егунова. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 97-493.

Plato. (2007a). The Republic. Egunov, A. N. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 1. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 97-493. (In Russ.)

Платон. (2007б). Законы. Пер. А. Н. Егунова. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 2. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 89-513.

Plato. (2007b). The Laws. Egunov, A. N. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 2. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 89-513. (In Russ.)

Платон. (2007в). Тимей. Пер. С. С. Аверинцева. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 495-587.

Plato. (2007c). Timaeus. Averincev, S. S. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 1. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 495-587. (In Russ.)

Платон. (2007г). Федон. Пер. С. П. Маркиша. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 2. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 11-96.

Plato. (2007d). Phaedo. Markish, S. P. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 2. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 11-96. (In Russ.)

Плутарх. (1964а). Артаксеркс. Пер. С. П. Маркиша. *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. В 3 т. Т. 3. Ред. С. П. Маркиш. М. С. 349-368.

Plutarch. (1964a). Artaxerxes. Markish, S. P. (transl.). In *Plutarch. Parallel Lives*. In 3 vols. Vol. 3. Markish, S. P. (ed.). Moscow. Pp. 349-368. (In Russ.)

Плутарх. (1964б). Дион. Пер. С. П. Маркиша. *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. В 3 т. Т. 3. Ред. С. П. Маркиш. М. С. 280-312.

Plutarch. (1964b). Dion. Markish, S. P. (transl.). In *Plutarch. Parallel Lives*. In 3 vols. Vol. 3. Markish, S. P. (ed.). Moscow. Pp. 280-312. (In Russ.)

- Светлов, Р. В. (2016). Платон и «вольнодумцы». *Христианское чтение*. № 3. С. 206-216.
Svetlov, R. V. (2016). Plato and the “Free Tinkers”. *Christian Reading*. No. 3. Pp. 206-216.
(In Russ.)
- Светлов, Р. В. (2019). Рациональная теология в античности. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии*. № 1 (3). С. 7-16. DOI: 10.24411/2541-9587-2019-10001
Svetlov, R. V. (2019). Rational Theology in Antiquity. *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. No. 1 (3). Pp. 7-16. DOI: 10.24411/2541-9587-2019-10001 (In Russ.)
- Deretic, I. (2020). Why are Myths True: Plato on the Veracity of Myths. *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. Т. 36. Вып. 3. С. 441-451. DOI: 10.21638/spbu17.2020.302
Deretic, I. (2020). Why are Myths True: Plato on the Veracity of Myths. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 36. Iss. 3. Pp. 441-451. DOI: 10.21638/spbu17.2020.302
- Riel, G. V. (2013). *Plato's Gods*. Routledge.
- Solmsen, F. (1936). The Background of Plato's Theology. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 67. Pp. 208-218.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14; научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Aleksandra Nevskogo Str., 14; Researcher Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

The paper was submitted: 11.09.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024